

УДК 821.161.1-32

Н.И. Погорелова**«КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ» В.Т. ШАЛАМОВА В ОЦЕНКЕ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ**

«Новая проза» Варлама Шаламова, как определял ее сам писатель, стала не только отражением той распадающейся реальности, но и осмыслением нового состояния человека, выражением нового опыта, которого не знал XIX век. Отсидев семнадцать лет на «дне небытия» – в сталинских лагерях Северного Урала (Вишерском лагере) и на Колыме, Варлам Шаламов смог не только выжить в нечеловеческих условиях, но и вынести суровый приговор сталинскому режиму, описав в «Колымских рассказах» экзистенцию человеческого бытия.

Советский читатель смог познакомиться с прозой Шаламова в конце восьмидесятых годов прошлого столетия, когда его отдельные рассказы начали появляться в толстых журналах. В 1992 году издательство «Советская Россия» выпустило книгу «Колымских рассказов» отдельной книгой. До этого времени критики, в роли которых, как правило, выступали члены редакционных коллегий толстых журналов, заключали творчество писателя в жесткие рамки «лагерной литературы», обращая повышенное внимание только на политико-идеологическую сторону рассказов Шаламова. Лагерная тема считалась давно исчерпанной повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». И хотя на Западе сложился устойчивый круг почитателей писателя – Ф. Апанович (Польша), Е. Михайлик (Австралия), М. Никольсон (Великобритания), Л. Токер (Израиль), Л. Юргенсон (Франция) – в России только в преддверии третьего тысячелетия неординарность творческой личности Шаламова стала предметом подлинно научного осмысления.

Начиная с середины 1990-х годов выходит ряд литературно-критических работ, посвященных исследованию «Колымских

рассказов» Варлама Шаламова. Работы Е. Волковой, М. Геллера, Н. Лейдермана, Ю. Лексина, О. Михайлова, Г. Померанца, Е. Сидорова, А. Синявского, Л. Тимофеева, Г. Трифонова, Е. Шкловского, В. Френкеля, Ю. Шрейдера и других ученых катализировали дальнейшие исследования особенностей художественного пространства прозы Шаламова. Позднейшие исследования В. Есипова, И.А. Большова, М. Золотоносова, Е. Громова, Л. Жаравиной, Вяч. Вс. Иванова, А. Карпова, В. Компанейца, А. Латыниной, Э. Мекша, И. Некрасовой, И. Сухих, В. Туниманова, С. Фомичева, а также ряда других исследователей основываются на многих посылах, выдвинутых в первых работах о Шаламове. В этих исследованиях невозможно переоценить роль и значение И.П. Сиротинской – собирателя и хранителя архива писателя, комментатора его произведений, талантливого мемуариста и исследователя его творчества.

Существенный вклад в исследование творчества автора «Колымских рассказов» вносят Международные Шаламовские чтения, проводимые с 1990-го года в Вологде и Москве. В сети Интернет создан сайт, посвященный Варламу Шаламову, на котором представлены сочинения писателя, мемуарно-биографические материалы, исследования, документы, архивные фотографии, фильмы, аудиозаписи, а также систематизирован ряд других информационно-справочных материалов о жизни и творчестве писателя. В 2007 году по мотивам «Колымских рассказов» Шаламова режиссером Николаем Досталем создан художественный фильм «Завещание Ленина», получивший неоднозначную оценку у исследователей творчества Шаламова. Количество документальных фильмов, рассказывающих о писателе, давно уже перевалило за второй десяток. Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о всевозрастающем интересе к творчеству Шаламова, изучение своеобразия художественной прозы которого, на наш взгляд, еще только начинается.

Целью статьи является анализ исследований «Колымских рассказов» Варлама Шаламова в контексте реализации феномена «новой прозы» писателя.

В истории изучения «Колымских рассказов» можно условно выделить два этапа. Первый этап относится к первоначальному осмыслению шаламовских рассказов как документального свидетельства о сталинских лагерях и образует первичный этап осмысления «лагерной прозы» писателя. В откликах критической мысли этого периода (конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века) на первый план выходит исторический контекст «лагерного» материала, в котором «Колымские рассказы» воспринимаются, в первую очередь, как документальное свидетельство о сталинской эпохе. Критики этого периода (О. Волков, А. Дремов, Э. Мороз, М. Геллер, Е. Сидоров, Е. Шкловский и др.) оценивают документально-исторический пласт рассказов, где позиция автора воспринимается непосредственно, как живое свидетельство человека, прошедшего все ужасы Колымского ада. Вместе с тем следует отметить, что в исследованиях данного периода закладываются основы анализа поэтики «Колымских рассказов».

Второй этап в изучении «Колымских рассказов» (1991 – по наше время) связан с выявлением художественных особенностей стиля писателя, осмыслением новой техники письма («новой прозы») и ее соотношением с рассказами писателя, анализом композиционной циклизации «Колымских рассказов», осмыслением ключевых мотивов, выявлением интертекстуальных связей и основных мифопоэтических хронотопов. Этот период изучения творчества писателя характеризуется также пристальным вниманием к изучению биографических сведений о Шаламове, разработкой и публикацией архивных материалов, сопоставлением «лагерной прозы» Шаламова и Солженицына в художественно-литературном и документальном аспектах.

Первым рецензентом «Колымских рассказов» был Олег Волков, писатель и публицист, проведенный в тюрьмах, лагерях и ссылках более 25 лет. В рецензии Волкова, по сути, первой критической статье о лагерных рассказах Шаламова в советском литературоведении, была дана высокая оценка «Колымским рассказам». Волков не только положительно оценил, но и указал на отличительную особенность прозы Шаламова от «лагерной прозы» Солженицына.

У Шаламова лагеря представляли «отрицательной школой», растлевающей силой. У Солженицына, напротив, герой может сохранить себя в лагере, честно трудиться и даже духовно окрепнуть в противоборстве с системой. Волков первый уловил и обозначил один из сложных вопросов различия солженицынского и шаламовского понимания лагеря, которому впоследствии будет посвящено немало исследований.

Во второй рецензии на «Колымские рассказы» Шаламова Эльвины Мороз особо выделяется документальная составляющая произведений, которая, по мнению автора, и составляет основное достоинство книги и усиливает общее впечатление при прочтении: «Рукопись «Колымских рассказов» В. Шаламова производит сильное впечатление, более того – ужасающее впечатление, главным образом, своим материалом» [16]. В то же время критик указывает на слабую индивидуализацию героев и такую особенность авторской позиции в повествовании – некую отстраненность автора от своих героев и отсутствие сочувствия к ним. Эльвина Мороз рекомендует книгу к печати именно из-за ее документальности.

Третья рецензия Анатолия Дремова – литературоведа и критика журнала «Октябрь», официального рецензента «Колымских рассказов», которому редакция «Советского писателя» передала на рецензию рассказы Шаламова, написана строго в партийно-идеологическом стиле в соответствии с последними указаниями Первого секретаря ЦК КПСС. Критик также проводит литературную параллель между Шаламовым и Солженицыным. По мысли рецензента, главный герой Солженицына – Иван Денисович – все-таки в какой-то степени соответствует морально-нравственным идеалам советского человека. Шаламов, напротив, показывает всю неизбежность моральной деградации человека, попавшего в сталинские лагеря.

Одной из первых попыток серьезного осмысления прозы Варлама Шаламова является статья Льва Тимофеева «Поэтика лагерной прозы. Первое чтение «Колымских рассказов» В. Шаламова», опубликованная на страницах третьего номера журнала «Октябрь» за 1991 год [11]. В основе композиции «Колымских рассказов», по

мнению критика, лежит особый художественный приём – «смерть как композиционная основа произведения» [11, с. 182]. Небытие в рассказах Шаламова выступает как особый художественный мир, в котором привычно разворачивается сюжет.

Ученый не ограничивается рассказами, которые были опубликованы в периодической печати, а рассматривает их в композиционном единстве, ссылаясь на книгу «Колымских рассказов», изданных в Париже в 1985 году с предисловием М. Геллера. [12]. По его мнению, художественному пространству рассказов Шаламова присуща некая доминанта, вокруг которой группируются все основные образы и мотивы в его произведениях. В качестве такой доминанты Тимофеев называет «могильную замкнутость пространства» [11, с. 182] – неизменный мотив творчества писателя, который проходит сквозь все полотно его повествования.

В оценке «зазеркального» мира, показанного Шаламовым, автор статьи близок к Михаилу Геллеру, который в своем предисловии к «Колымским рассказам» [3] сравнивает мир сталинских лагерей с гитлеровским Освенцимом и Трешлиной. Единственная разница между ними заключается лишь в том, что «в гитлеровских лагерях смерти жертвы знали, почему их убивают. Конечно, человеку все равно не хочется умирать. Но убиваемый гитлеровцами знал, что он умирает потому, что был противником нацистского режима, или евреем, или русским военнопленным. Тот, кто умирал в колымских – и во всех других советских – лагерях, умирал недоумеая» [3, с. 8]. В конце статьи Тимофеев приходит к выводу, что солнце «Колымских рассказов» – это всегда «солнце мертвых», поскольку в этом мире нет движения от тьмы к свету, нет света истины, нет справедливости.

Идейно перекликаются со статьей Тимофеева и заметки литературоведа из Ниццы Мирей Берюгги «Крест его судьбы». Исследовательница считает, что подход к судьбе и к основам творчества Варлама Шаламова выстраивается в следующей цепочке понятий: «смерть» – «воскресение» – «бессмертие» – «жизнь». Берюгги отмечает: «В Колымских рассказах» не раз описываются противоположные друг другу процессы: процесс умирания, когда лагерник впадает

в состояние «доходяги», где тело почти ничего не весит, где мысль и чувство теряются, а речь чуть ли не исчезает, и процесс воскресения, когда благодаря передышке на лесной «командировке» или в больнице восстанавливаются телесные и умственные силы, и из глубины существа поэта вновь всплывает поэтический дар. Если охватить взглядом страшное пребывание на Колыме, откуда немногие вернулись, получается ошеломляющее впечатление, что Шаламов поистине воскрес из мертвых, познав ад» [1, с. 231]. Таким образом, косвенно Мирей Берютти приходит к сходному со Л. Тимофеевым выводу о мире небытия как художественном мире рассказов В. Шаламова.

Интересна и глубока по внутреннему содержанию одна из первых заметок о прозе В. Шаламова – статья Е. Сидорова «О Варламе Шаламове и его прозе» [8], которая предшествует публикации его рассказов «Выходной день» и «Васька Денисов, похититель свиной». Лейтмотивом статьи стал ответ на вопрос: почему «колымская» проза Шаламова потрясает читателя. Автор статьи считает, что дело отнюдь не в материале, а в той «свободе авторского взгляда, стиля, которая сродни эпическому постижению жизни» [8, с. 57].

Книга Евгения Шкловского «Варлам Шаламов» (1991) [14] стала одной из первых основательных работ о прозаическом творчестве Шаламова. В своем исследовании Шкловский соединяет анализ художественной прозы Шаламова с биографическими сведениями о писателе. На страницах книги Шкловский размышляет об идейно-образном своеобразии рассказов Шаламова и их поэтике, о духовно-психологических и эстетических истоках творчества писателя.

Особое внимание автор исследования уделяет проблеме так называемой «новой прозы» (термин В. Шаламова), которая, по Шаламову, является одним из главенствующих принципов его писательского кредо. Идейно-эстетическая сущность «новой прозы» состоит в том, что она «может быть создана только людьми, знающими свой материал в совершенстве, – для которых овладение материалом, его художественное преображение не является чисто литературной задачей, – а долгом, нравственным императивом» [14, с. 64].

Обильно цитируя Шаламова, Шкловский формулирует основной постулат «новой прозы», который заключается в том, что писатель должен находиться в гуще описанных событий, пропуская все драматические события через себя. «Новая проза», по мысли Шаламова, должна быть непосредственно и нераздельно связана с судьбой писателя, ведь ему, в отличие от других, даровано слово, дано высказываться. «Он – голос многих. Живых и мертвых» [14, с. 64]. Другой важнейший принцип «новой прозы», который выдвигает Шаламов и на который указывает Шкловский, состоит в принципе документальности, делающим эту прозу «преображенным документом».

В статье другого известного литературоведа – Н.Л. Лейдермана, вышедшей на страницах журнала «Урал» почти одновременно с книгой Шкловского в 1992 году [6], «Колымские рассказы», напротив, рассматриваются, прежде всего, с художественной точки зрения. Автор статьи понимает документальность «новой прозы» Шаламова скорее не в прямом, а философско-экзистенциальном смысле.

Касаясь жанровой специфики «Колымских рассказов», Н. Лейдерман видит в них и остросюжетную романтическую новеллу, и физиологический очерк, и стихотворения в прозе, и психологический этюд, и сценки разных риторических жанров (сентенций, «опытов») и т.д. Исследователь выделяет такие элементы, организующие структуру текста в новеллах Шаламова, как художественные детали и символы. По наблюдению Лейдермана, каждая деталь «строится на гиперболе, гротеске, ошеломляющем сравнении, где сталкиваются низменное и высокое, натуралистически грубое и духовное. Порой писатель берёт старинный, преданием освящённый образ-символ и заземляет его в физиологически грубом «колымском контексте».

Часто в рассказах Шаламова встречается и противоположный прием: случайная деталь тюремной жизни переводится писателем по ассоциации в разряд высоких духовных символов. И эта символика, которую находит автор в повседневных реалиях лагерной жизни, перерастает в одну из микротем цикла.

Для прозы Шаламова, по мысли Лейдермана, характерно также использование таких традиционных образов-символов: слеза,

солнечный луч, свеча, крест. Соединение этих символов с абсурдным, фантазмагорическим миром Колымы рождает особый художественный смысл – «подлинный театр абсурда», который по своей художественной силе превосходит натурализм, так как в нем «действует тот принцип сочленения жизненно достоверного и алогичного, кошмарного, который вообще-то характерен для «театра абсурда» [6].

Именно подобная «логика сцепления образов», считает ученый, и позволяет говорить об исконной художественной логике шаламовских рассказов. В отличие от некоторых других исследователей Шаламова (В. Шкловского, Л. Тимофеева), выдвигающих на первый план документальность «Колымских рассказов», Лейдерман видит в них художественные традиции, уходящие корнями в эпоху Просвещения и древнерусскую проповедническую культуру.

Статья Игоря Сухих «Жить после Колымы» [10], опубликованная десятилетием спустя, в начале двухтысячных, продолжает тему соотношения документальности и художественности в прозе Шаламова. Автор сравнивает эстетический манифест Шаламова «О прозе» (1965), в котором высказаны теоретические взгляды Шаламова на «новую прозу», с непосредственным его художественным воплощением в «Колымских рассказах». Описывая подробно структуру «новой прозы», Сухих выделяет основные ее контрапункты в художественном произведении. «Герои: люди без биографии, без прошлого и без будущего. Действие: сюжетная законченность. Повествователь: переход от первого лица к третьему, переходящий герой. Стиль: короткая, как пощечина, фраза; чистота тона, отсечение всей шелухи полутонов (как у Гогена); ритм, единый музыкальный строй; точная, верная, новая подробность, в то же время переводящая рассказ в иной план, дающая «подтекст», превращающаяся в деталь-знак, деталь-символ; особое внимание к началу и концовке, пока в мозгу не найдены, не сформулированы эти две фразы – первая и последняя – рассказа нет» [10, с. 199].

Между тем, как часто бывает и у всякого большого художника, его теоретические взгляды вступают в противоречие с его эстетической практикой. Автор статьи на конкретных примерах находит

отступления Шаламова от своей «теоретической модели». Так, отрицая метод Льва Толстого, в черновиках которого представлено несколько вариантов цвета глаз Катюши Масловой, Шаламов пишет: «Разве для любого героя «Колымских рассказов» – если они там есть – существует цвет глаз? На Колыме не было людей, у которых был бы цвет глаз, и это не абберация моей памяти, а существо жизни тогдашней» [10, с. 200]. В то же время в ряде его «Колымских рассказов» мы встречаем: «...черноволосый малый, с таким страдальческим выражением черных, глубоко запавших глаз...» («На представку»). «Темно-зеленым, изумрудным огнем ее глаза вспыхивали как-то не впопад, не к месту» («Необращенный») и т.д.

Встречаются в рассказах Шаламова художественные реминисценции и литературные аллюзии. Так, первая фраза рассказа «На представку» – «Играли в карты у коногона Наумова» – очевидная реминисценция из Пушкина (ср. с «Пиковой дамой»: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова»). Благодаря этому художественному приему, считает автор статьи, документальный материал превращается в образный «узел», в уникальное событие. Социологические характеристики переформируются в «психологические штрихи поведения персонажей» [10, с. 201].

Основываясь на выводах Игоря Сухих, Елена Михайлик продолжает тему художественных аллюзий Шаламова в статье «Интертекстуальные возможности рассказа «На представку» [15], где подробно рассматривает не только пушкинскую, но и другие классические аллюзии этого рассказа (романы Виктора Гюго, гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», поэзия Есенина).

Работы другого известного исследователя творчества Варлама Шаламова – Елены Волковой посвящены осмыслению эстетико-философской и этико-психологической целостности прозы Шаламова. В статьях «Парадоксы катарсиса Варлама Шаламова» (1996), «Варлам Шаламов: Поединок слова с абсурдом» (1997) «Цельность и вариативность книг-циклов» (1997), «Абрис творчества Варлама Шаламова как эстетического феномена» (2005), в отдельном исследовании «Трагический парадокс Варлама Шаламова» (1998)

исследовательница подробно останавливается на особенностях эстетико-философского единства прозаических текстов Варлама Шаламова. Волкова характеризует особенность повествования в «Колымских рассказах» (роль речевых повторов, принципы ритмического повествования), останавливается на позиции рассказчика, художественной детали и многомерности символики в новеллах Шаламова.

Характеризуя композицию «Колымских рассказов», исследовательница отмечает свойственную всем шести циклам композиционную целостность и выстроенность. Одной из главных особенностей большинства её исследований является стремление найти единый смысловой узел, который бы связал эстетику «Колымских рассказов» с диалектичностью их содержания. Этот узел должен стать единым кодом понимания «лагерной прозы» Шаламова.

В монографическом исследовании И.В. Некрасовой «Судьба и творчество Варлама Шаламова» (2003) [7] большое внимание уделено рассмотрению этической и эстетической концепций художника, а также различным аспектам поэтики его прозы. В монографии приводятся неизвестные широкому читателю архивные материалы, рассматриваются особенности «новой прозы» Шаламова в контексте его творчества.

В литературной критике большое внимание занимает вопрос сопоставления художественного опыта двух авторов – Шаламова и Солженицына. В ряде работ, посвященных сопоставлению творчества Солженицына и Шаламова, Солженицына относят к «реально-историческому направлению» лагерной прозы, то есть к тем писателям, которые стремятся с наибольшей полнотой показать «всю правду» лагерей и тюрем» [7, с. 16]. «Колымские рассказы» Шаламова многие из критиков относят к «экзистенциальному направлению» лагерной прозы, то есть к тому направлению, которое стремится исследовать и осмыслить бытие человека в предельной ситуации. Шаламов положил начало второму направлению, поскольку осмысливает опыт Колымы не в традиционных категориях добра и зла, а совсем в иных, запредельных категориях. Данный, сопоставительный,

аспект осмысления творческого наследия двух выдающихся писателей-современников, заслуживает отдельного рассмотрения.

Помимо литературоведческих работ о Шаламове, которые были проанализированы нами выше, в начале двухтысячных годов появляется ряд биографических и мемуарных книг о писателе. Среди обширной мемуарной литературы нельзя не упомянуть книгу близкого друга помощника Варлама Шаламова – И.П. Сиротинской «Мой друг Варлам Шаламов» (2006) [9]. На страницах своей книги она не только обстоятельно вспоминает встречи с Варламом Шаламовым, приводит личную переписку с писателем, но и касается вопросов, связанных непосредственно с его творчеством, оценкой произведений писателя современной критикой. Исследовательница указывает на парадоксальный успех книг Шаламова за рубежом: «Как ни странно, на Западе он находит больше понимания и признания» [9, с. 167].

В последней главе своей книги, которая носит название «Нет мемуаров, есть мемуаристы», И. Сиротинская делает обзор воспоминаний, появившихся в последние годы о Варламе Шаламове. Автор подробно анализирует заметки людей, которые знали Шаламова, и дает оценку степени достоверности их воспоминаний, вносит ценные уточнения и замечания. Среди имен, которые упоминаются в этой главе – Александр Солженицын, Борис Лесняк, Федор Сучков, Ирина Емельянова, Олег Волков, Сергей Григорянц и другие.

Перу ведущего исследователя биографии и творчества В. Шаламова – В.В. Есипова принадлежит монография «Варлам Шаламов и его современники» (Вологда, 2008) [4], биографическая книга «Шаламов» в серии «ЖЗЛ» [5] комментарии к составленному им изданию «Колымских рассказов» В. Шаламова [13], а также множество других исследований о творчестве и биографии писателя.

В первой биографической книге о писателе – «Шаламов» (2012) [5] Валерий Есипов повествует о жизненном и творческом пути В. Шаламова в историческом контексте, поскольку, по мнению автора, трагизм жизненной и литературной судьбы выдающегося русского писателя Варлама Шаламова может быть осознан по-настоящему лишь в контексте времени.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что «Колымские рассказы» Варлама Шаламова являются предметом пристального рассмотрения отечественных литературоведов. Исследование идейно-художественного своеобразия «новой прозы» Шаламова формируется в различных направлениях: изучение поэтики, исследование в контексте «лагерной прозы», анализ пространственно-временной организации рассказов, выявление особенностей авторской позиции, исследование интертекстуальных связей, жанрового своеобразия, изучение прозы Шаламова с позиции выявления циклических структур.

Литература

1. Берютти М. Крест его судьбы. Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 230–235.
2. Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. Москва: Республика, 1998. 76 с.
3. Геллер М. Последняя надежда. Шаламов В. Колымские рассказы. Париж: YMKA-пресс, 1985
4. Есипов В. Варлам Шаламов и его современники. Вологда, 2008.
5. Есипов В.В. Шаламов. Москва: Молодая гвардия, 2012. 346с.
6. Лейдерман Н. URL: <http://shalamov.ru/research/159/> С. 171–182.
7. Некрасова И.В. Судьба и творчество Варлама Шаламова. Самара: Изд-во СГПУ, 2003. 204 с.
8. Сидоров Е. О Варламе Шаламове и его прозе. Огонек.1989. №22.
9. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. 2006. 167с.
10. Сухих И. Жить после Колымы. Знамя. 2001. № 6. С. 198–207.
11. Тимофеев Л. Поэтика лагерной прозы./Октябрь, 1991. С.182–195.
12. Шаламов В. Колымские рассказы. Париж: YMKA-пресс, 1985.
13. Шаламов В. Колымские рассказы. Избранные произведения. СПб.: Вита Нова, 2013
14. Шкловский Е.А. Варлам Шаламов. Москва: Знание, 1991. 64 с.
15. Mikhailik E.Potentialities of Intertextuality in the Short Story On Tick Varlam Shalamov: Problems of Cultural Context. In Essays in Poetics, 25. 2000. p. 169–186.
16. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/2/13s.html>

Анотація

Н.І. Погорелова. «Колимські оповідання» В.Т. Шаламова в оцінці літературної критики

Стаття присвячена історії вивчення «Колимських оповідань» В. Шаламова. З моменту публікації «Колимських оповідань», як на його батьківщині, так і за кордоном, опубліковано велику кількість робіт, у яких досліджується біографія письменника (І.П. Сиротинська, В.В. Єсіпов, Ю. Шрейдер, Ф. Апанович та ін.), здійснюється порівняльний аналіз «табірної» прози Шаламова та Солженицина (В.В. Єсіпов, І.П. Сиротинська, Є.С. Поліщук, І.В. Некрасова, Д.В. Лекух, І.Н. Сухих, В. Френкель та ін.), аналізується художня своєрідність «Колимських оповідань» (Є.А. Шкловський, Л. Тимофєєв, Є.В. Волкова, І. Сухих, В.В. Єсіпов, І.В. Некрасова, М. Берютті, Є. Михайлик, Ф. Апанович, А. Галл та ін.).

Критика відзначає, що в історії вивчення «Колимських оповідань» можна умовно виділити два етапи. Перший етап (кінець 80-х–початок 90-х минулого століття) стосується початкового осмислення шаламівських оповідань як документального свідчення про сталінські табори та формує первинний етап осмислення «табірної прози» письменника. У відгуках критичної думки цього періоду на перший план виходить історичний контекст «табірної» матеріалу, у якому «Колимські оповідання» сприймаються, у першу чергу, як документальне свідчення про сталінську епоху. Разом з тим варто відзначити, що в дослідженнях зазначеного періоду закладаються основи аналізу поетики «Колимських оповідань».

Другий етап (1991 – наш час) пов'язаний з виявленням художніх особливостей стилю письменника, осмислення ідейно-естетичних принципів «нової прози», аналізом композиційної циклізації «Колимських оповідань», осмисленням ключових мотивів, виявом інтертекстуальних зв'язків та основних міфопоетичних хронотопів. Цей період характеризується також пильною увагою до вивчення біографічних відомостей про Шаламова, розробкою та публікацією архівних матеріалів, зіставленням «табірної прози» Шаламова та Солженицина у художньо-літературному, документальному та історичному аспектах.

Ключові слова: літературна критика, «нова проза», оповідання, поетика, «табірна проза».

Аннотация

Н.И. Погорелова. «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова в оценке литературной критики

Статья посвящена истории изучения «Колымских рассказов» В. Шаламова. С момента выхода в свет «Колымских рассказов», как на его родине, так и за рубежом, опубликовано большое количество работ, в которых исследуется биография писателя (И.П. Сиротинская, В.В. Есипов, Ю. Шрейдер, Ф. Апанович и др.), проводится сопоставительный анализ «лагерной» прозы Шаламова и Солженицына (В.В. Есипов, И.П. Сиротинская, Е.С. Полищук, И.В. Некрасова, Д.В. Лекух, И.Н. Сухих, В. Френкель и др.), анализируется художественное своеобразие «Колымских рассказов» (Е.А. Шкловский, Л. Тимофеев, Е.В. Волкова, И. Сухих, В.В. Есипов, И.В. Некрасова, М. Берютти, Е. Михайлик, Ф. Апанович, А. Галл и др.).

Критика отмечает, что в истории изучения «Колымских рассказов» можно условно выделить два этапа. Первый этап (конец 80-х–начало 90-х годов прошлого века) относится к первоначальному осмыслению шаламовских рассказов как документального свидетельства о сталинских лагерях и образует первичный этап осмысления «лагерной прозы» писателя. В откликах критической мысли этого периода на первый план выходит исторический контекст «лагерного» материала, в котором «Колымские рассказы» воспринимаются, в первую очередь, как документальное свидетельство о сталинской эпохе. Вместе с тем следует отметить, что в исследованиях данного периода закладываются основы анализа поэтики «Колымских рассказов».

Второй этап (1991–по наше время) связан с выявлением художественных особенностей стиля писателя, осмыслением идейно-эстетических принципов «новой прозы», анализом композиционной циклизации «Колымских рассказов», выделением ключевых мотивов, выявлением интертекстуальных связей и основных мифопоэтических хронотопов. Этот период характеризуется также пристальным вниманием к изучению биографических сведений о Шаламове, разработкой и публикацией архивных материалов, сопоставлением «лагерной прозы» Шаламова и Солженицына в художественно-литературном и документальном аспектах.

Ключевые слова: «лагерная проза», литературная критика, «новая проза», рассказ, поэтика.

Annotation

N.I. Pogorelova. “Kolym stories” by V.T. Shalamov in the Estimation of Literary Criticism

The article is sanctified to history of study of the “Kolym stories” by V. Shalamov. From the moment of publication the “Kolym stories”, both on his motherland and abroad, has been published plenty of works with researches of writer’s biography (I.P. Sirotinskaya, V.V. Esipov, Y. Shreider, F. Apanovich and others), the comparable analysis of “camp” prose of Shalamov and Solzhenizin is conducted (V.V. Esipov, I.P. Sirotinskaya, E.S. Polishuk, I.V. Nekrasova, D.V. Leku, I.N. Suhih, V. Frenkel and others), artistic originality of the “Kolym stories” is analysed (E.A. Shklovskiy, L. Timofeev, E.V. Volkova, I.N. Suhih, V.V. Esipov, I.V. Nekrasova, M. Beryutti, E. Mihaylik, F. Apanovich, A. Gall and others).

Criticism marks that in history of study of the “Kolym stories” it is possible conditionally to distinguish two stages. The first stage (early 80s–the late 90s the last century) related to the primary comprehension of Shalamov stories as a documentary testifying to the Stalin camps and forms of the primary stage of comprehension of “camp prose” of writer. In the responses of critical idea of this period the historical context «of camp» material in that the “Kolym stories” are perceived goes out on the first plan, first of all, as a documentary testifying to the Stalin epoch. At the same time it should be noted that bases of analysis of poetics of the “Kolym stories” are mortgaged in researches of this period.

The second stage (1991–modern age) is related to the exposure of artistic features of writer’s style, comprehension of new technique of letter (“new prose”) and its correlation with the writer’s stories, by the analysis of composition cyclization of the “Kolym stories”, comprehension of key reasons, exposure of intertexture connections and basic myths-poetics chronotopes. This period is characterized also by intent attention to the study of biographic information about Shalamov, by development and publication of the archived materials, by comparison of “camp prose” of Shalamov and Solzhenizin in artistically-literary, documentary and historical aspects.

Key words: “camp prose”, literary criticism, “new prose”, poetics, stories.

Інформація про автора

Погорелова Наталія Іванівна – аспірант кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, Україна, 61168; <http://orcid.org/0000-0003-2928-8311>